

Хамуталь Бар-Йосэф

Леонид Андреев в литературе и в театре на иврите и на идиш

В первой четверти XX века еврейские литературы, как на иврите, так и на идише, несмотря на все усилия найти свой путь в модернизме, все еще испытывали сильное воздействие европейских литератур, в основном – русской. Влияние русской литературы и на ивритскую, и на идишскую началось в середине XIX века, но в каждой из них оно выражалось несколько разными путями. Влияние творчества Леонида Андреева на обе еврейские литературы происходило как раз в этот период.

Светская художественная литература на иврите создавалась в царской России писателями, принадлежавшими к движению «Хаскала» («Просвещение»), которое возникло в Германии в конце XVIII века. Царская Россия была центром литературного творчества на иврите с середины XIX века до 1920-х годов; для большинства ивритских писателей русский язык был воротами в европейскую культуру. С середины XIX столетия русская беллетристика и публицистика стала для ивритских и идишских писателей основным литературным образцом для подражания и состязания.

Иврит, а не идиш, был языком, который предпочитала просвещенная еврейская интеллигенция, главным образом потому, что идишу не хватало богатой литературной и философской традиции иврита (хотя идишские писатели в 1870-х гг. и обратились к беллетристике). К тому же, ивритское движение Просвещения возникло одновременно с европейским романтизмом, который идеализировал возвращение к древним национальным корням. В этом контексте литература была важным показателем существования и высокого уровня национального духа; предполагалось, что у нации должен быть свод древних литературных текстов, а древняя еврейская литература была написана на иврите, а не на идиш.

Поэтому просвещенные немецкие и русские евреи презирали и отвергали идиш как «жаргон», язык, на котором говорят женщины и необразованные люди. Литература на идиш удовлетворяла потребностям широких слоев простого еврейского населения и вначале состояла в основном из народной поэзии и полуфольклорных рассказов, в то время как поэзия и проза на серьезные темы – социальные и национальные – писались в основном на иврите и адресовались небольшому кругу интеллигенции. Предпочтение языка иврит сначала не имело ничего общего с сионизмом; только к

концу XIX века, когда свирепый антисемитизм в России положил конец мечтам о культурной ассимиляции, сионистское движение начало культивировать иврит.

В последнем десятилетии XIX века творчество на иврите уже предполагало оптимистическую веру в духовное и политическое возрождение еврейского народа и его древнего языка, веру, которую идишские писатели не разделяли. Их еврейство было более космополитичным и, конечно, не сионистским. Поэтому на рубеже столетий идишские писатели с большей готовностью, чем их ивритские коллеги, восприняли литературные изменения в европейской и русской литературе, особенно символистскую эстетику с ее пессимизмом, декадансом и космополитизмом. В то время ивритские писатели еще верили, что они должны стать «народными поэтами», чтобы отражать «национальную психику», – идея, которая была отвергнута первым поколением российских символистов.

Более того, еврейские интеллектуалы, подобно своим российским коллегам, считали, что их национальный дух морально выше, чем у других наций. Можно ли было выразить такой национальный дух средствами «безнравственного» стиля? Этот вопрос знаком россиянам, и действительно, трудное восприятие декадентского модернизма было общим для обеих литератур. Тем не менее, уже в середине 1890-х годов ивритские писатели, такие, как Давид Фришман (1859-1922) и Миха Йосеф Бердичевский (1865-1921), требовали, чтобы ивритская литература отражала еврейскую жизнь в современном европейском стиле. На рубеже столетий молодые ивритские писатели, например, Бердичевский, Иосиф Хаим Бреннер (1878-1921) и Ури Нисан Гнесин (1879-1913), начали в новом современном стиле описывать декаданс еврейской социальной жизни и упадочническую психологию оторванного от национальных корней еврейского интеллектуала. Их поддерживало несколько критиков и издателей, например, Давид Фришман, который поощрял контакты между ивритской литературой и западноевропейским модернизмом конца века.

Исследователи, обращавшиеся к вопросу европейского контекста ивритской литературы, обычно пытались искать в ней влияние самых крупных и известных в сегодняшней ивритской культуре русских имен: Пушкина, Гоголя, Толстого, Достоевского, Чехова. Однако иногда именно писатели, которые сегодня считаются менее значительными, а иногда и вовсе неизвестны израильскому читателю, оказывали более значительное воздействие на еврейскую литературу, чем те, кто считается классиками русской литературы. Например, Тургенев, Некрасов, Надсон, Фруг и Чириков оказали не меньшее влияние на ивритскую литературу, чем Толстой и Пушкин. Сила влияния объясняется тремя факторами: во-первых, популярностью писателя в конкретный период;

во-вторых, его близостью еврейской тематике и его личным отношением к положению евреев в России; и в-третьих, наличием в литературном произведении тем и мотивов, позволяющих провести аналогию с положением евреев, например, темы преследования, страдания, оторванности.

В случае Леонида Андреева¹ сошлись все три фактора. В первом десятилетии XX века популярность Андреева в России и за ее пределами была огромна, а его профессиональная репутация очень высока². В 1909 году Блок написал, что Андреев – самый "читаемый" автор в России³. К концу первого десятилетия века имена Горького, Чехова и Андреева произносили на одном дыхании, причем не только русские читатели, но и ивритский писатель Иосиф Хаим Бренер.⁴ Произведения Андреева того периода были переведены на все европейские языки. Бренер вспоминает, с каким восторгом принимались произведения Андреева в Лондоне.⁵ Его пьесы ставились в России и в других странах, начиная с 1906 года. Андреев был оттеснен на обочину русской литературы лишь в советский период, из-за его неприятия насильственного переворота и нападок на большевиков. Последние годы своей жизни он провел, в основном, в Финляндии, и оттуда писал статьи, в которых нападал на Ленина, а также опубликовал воззвание "S. O. S." (1919), в котором призывал западные страны выступить против власти большевиков в России. В 20-е годы его произведения были

¹ См. подробную биографию Леонида Андреева в: П. А. Николаев и др. (ред.), *Русские писатели* (в 3-х тт), Москва 1989, т.1, сс. 63-69.

² Первый сборник рассказов Андреева (1901) заслужил похвальный отзыв Горького, с которым Андреев поддерживал отношения и сотрудничал до своего отъезда в Финляндию в 1918 году (см. переписку Андреева и Горького в сборнике: *Литературное наследство: Горький и Леонид Андреев*. Т. 72, Москва: Наука 1962), а также Михайловского, Толстого, Чехова и других.

³ А. Блок, "Душа писателя". *Собрание сочинений в 8 томах*, т. 5, М. – Л. 1962, с. 367.

⁴ И. Х. Бренер, *Ктавим (Сочинения)*, Тель Авив 1984, т. 3, с. 253.

⁵ Бренер, там же, т. 4, с. 1074.

запрещены к публикации в Советском Союзе, и только после смерти Сталина интерес к Андрееву в России и на Западе начал возрождаться.⁶

Интерес еврейских писателей к Андрееву связан с художественными особенностями его творчества, а также с его отношением к еврейскому вопросу. Современные Андрееву критики определяли его как символиста, реалиста, декадента и романтика, а он сам называл свое творчество "нео-реалистическим". В исторической перспективе бросается в глаза близость его творчества экспрессионизму, еще до того, как экспрессионизм оформился как самостоятельное течение в Германии. Его произведения описывают шок, который потрясает человеческую душу при осознании темных и бессознательных сторон современной общественной и политической действительности. Герои Андреева обнаруживают себя в противостоянии с самими собой и со своими верованиями, как на краю пропасти или перед глухой стеной, и в результате оказываются парализованными страхом и потрясением. Просвещенные люди, идеалисты и даже романтики обнаруживают в себе низменные инстинкты, ужасные и безобразные, и осознают, в каком ханжеском лицемерии жили они до сих пор. В этом плане творчество Андреева близко по настроению творчеству ивритских и идишских писателей, таких как Миха Йосиф Бердичевский, Херш Довид Номберг, Залман Шнейур, Ури Нисан Гнесин, Йосиф Хайм Бренер, Гершон Шофман и Дер Нистер (Пинхус Менделевич Каганович).

Еврейский интерес к Андрееву объяснялся еще и его резкой "еретической" позицией по отношению к православной морали⁷, его исключительным интересом к еврейскому вопросу,

⁶ Примером такого интереса может служить конференция, приуроченная к 125- летию со дня рождения Андреева и состоявшаяся в Орле в декабре 1996 года. На этой конференции были показаны спектакли по пьесам Андреева в исполнении театров разных стран и можно было убедиться, какое огромное количество исследований посвящено в России творчеству Андреева. Центральный архив Андреева находится в Англии в университете города Лидс, а его директором является Ричард Дэйвис. Избранную библиографию переводов Андреева на английский язык и исследовательской литературы можно найти в его книге: Richard Davies, *Leonid Andreev: Photographs by a Russian Writer, London 1989.*

⁷ Андреев не участвовал в неорелигиозных течениях русской литературы и даже позволял себе в своих произведениях критиковать образ Христа, христианские ценности и ханжество христианской морали русского общества. Такой позицией Андреев вызывал на себя критику, включая со стороны Льва Толстого

который он неоднократно называл "горбом" русского народа и "гвоздями, забитыми в его голову"⁸, а также тем важным местом, которое занимала еврейская тема в его творчестве. Виктория Левитина в ее книге "Русский театр и евреи" полагает, что интерес Андреева к еврейскому вопросу начался вследствие его знакомства в 1904 году с пьесой Евгения Чирикова "Евреи"⁹. Не менее важным представляется еврейское происхождение второй жены Андреева.¹⁰ Главный герой его первой пьесы, "К звездам" (1906), - гениальный астроном, устремления которого не поняты обществом. У астронома три помощника: один русский, второй – поляк, а третий – еврей по имени Иосиф Абрамович Лунц. По сравнению с двумя другими помощниками, которые являются карикатурами на представителей своих национальностей, еврей представляет собой воплощение иного, чужого, страдающего от вечного одиночества. Он единственный, кто оставляет дворец науки и идет навстречу жизни и революции, то есть совершает этически верный, по мнению автора, поступок. После запрета цензуры на постановку пьесы в Москве (из опасения, что пьеса заденет религиозные чувства), она с успехом прошла на сценах Вены и Берлина в 1906 году и Гамбурга в 1912. В рассказе "Иуда Искарот" (1907) мучения Иуды описаны как не менее страшные и, возможно, даже более священные, чем мучения Иисуса. Такое понимание еврейской судьбы еще ярче выразилось в пьесе "Анатэма" (1909), в которой ясно прочерчена параллель между судьбой главного героя, еврея

("Он пугает, а мне не страшно").

⁸ См. Виктория Левитина, *Русский театр и евреи*. Иерусалим 1988, сс. 103-108.

⁹ Там же, с. 104.

¹⁰ В своих воспоминаниях об Андрееве Горький рассказывает, что во время их разговора в 1915 году Андреев сказал: "А я женился на еврейке!" Эти воспоминания были написаны осенью 1919 года. Отрывки из них были опубликованы в том же году в газете "Жизнь искусства", а полностью (включая процитированный фрагмент) они были опубликованы в *Книге о Леониде Андрееве* (1922). Тот же фрагмент был опубликован в книге: Михаил Агурский и Маргарита Шкловская, *Из Литературного наследия: Горький и еврейский вопрос*. Иерусалим 1986, сс. 153-154.

Давида Лейзера, и судьбой Иисуса. В 1910 году, после нескольких спектаклей на сцене Московского Художественного театра, пьеса была запрещена к представлению цензурой¹¹. Еврейская судьба является также темой траги-комического скетча "Упрямый попугай" (1911), герой которого – еврей Мендель. Страдания современного ему еврея, подобные страданиям Иова и Иисуса, занимали Андреева и в эссе "Ночной разговор" (1915), и в рассказе "Раненый" (1916), описывающем умирание и одиночество еврейского солдата в госпитале во время Первой Мировой Войны. Андреев написал целый ряд произведений на сюжеты из Ветхого и Нового заветов¹², и во всех этих произведениях страдание еврея показано ужаснее, чем страдание не-еврея.

Леонид Андреев принимал участие и в общественной деятельности по защите прав евреев в России. С этой целью в 1914 году он опубликовал статью "Первая ступень (О еврейском вопросе)", позже вышедшую отдельными брошюрами в Одессе (1914) и в Москве (1915)¹³. В этой статье он пишет об антисемитизме, который он ощущал на себе как своего рода горб, позорящий его и весь русский народ¹⁴, и цитирует стихотворение Хаима Нахмана Бялика "Над бойней" (1903, в переводе

¹¹ Следует упомянуть, что в этом случае цензура уступила давлению священников и представителей власти из черты оседлости, которые рапортовали об энтузиазме, с которым евреи принимали спектакль, а с другой стороны – о возмущении, которое он вызывает среди христианской публики.

¹² Рассказы "Бен Товит", "Елеазар", "Иуда Искарот" и пьеса "Самсон и Далила".

¹³ Леонид Андреев, *Первая ступень (О еврейском вопросе)*. Одесса 1914; Москва 1915.

Статья вышла, после запрета цензуры на публикацию, в газетах *Биржевые ведомости* (ноябрь 1914) и *Одесские новости* (декабрь 1914), а после ее публикации там – в сборнике *Щит* (1915). См. библиографию сочинений Андреева в сборнике: *Литературное наследство* 72 (1965), сс. 127-128. В переводе на английский язык: "The First Step", in: *Twentieth Century Russia*, London, vol. 1 no. 2 Dec. 1915, pp. 108-112

¹⁴*Первая ступень*. Москва 1915, сс. 7-8. Ту же метафору Андреев использует в письме к Вересаеву за 1904 год. См. *Реквием: Сборник памяти Леонида Андреева*. 1930, с. 158.

В. Жаботинского): "О доколе, доколе, доколе?"¹⁵. В 1915 году Андреев, вместе с Максимом Горьким и Федором Сологубом, участвовал в создании "Российского общества по изучению еврейской жизни", первой акцией которого был опрос русских писателей и общественных деятелей на тему антисемитизма, второй – публикация воззвания против антисемитизма, подписанного более чем 200 русских писателей и общественных деятелей, а третьей акцией стало издание литературного сборника "Щит"¹⁶, посвященного защите гражданских прав евреев и состоявшего из десятков статей и произведений ведущих русских писателей. Сборник, вышедших в трех изданиях в 1915-1916 годы, открывался выше упомянутой статьей Андреева и его рассказом "Раненый". Деятельность Андреева на благо российских евреев получила широкий резонанс в ивритской прессе¹⁷. Его манифест против

¹⁵ *Первая ступень*. Там же, с. 6.

¹⁶ О деятельности "Российского общества по изучению еврейской жизни" см. в упомянутой книге Виктории Левитиной, сс. 133-134. Сборник "Щит" вышел в свет в 1915 году в Петербурге, а два его дополнительных издания – в 1916 году в Москве. Отдельное издание статьи Андреева вышло в Одессе в двух редакциях, под заголовком "Леонид Андреев о евреях". См. библиографию сочинений Андреева в сборнике: *Литературное наследство* 72 (1965), сс. 127-128. О сотрудничестве Андреева и Горького в издании сборника *Щит* см. письмо Горького к Андрееву в книге: Михаил Агурский и Маргарита Шкловская, там же, сс. 153-154, а также: *Литературное наследство* 72 (1965), сс. 356-359, 548-549. Я хочу выразить благодарность Ричарду Дэйвису за то, что он обратил мое внимание на последний источник.

¹⁷ Текст воззвания, в котором Андреев, Горький и Сологуб обращались к российским общественным деятелям, а также список подписей были опубликованы на русском языке в газете *Утро России* 1 марта 1915 года, а его перевод на иврит – в газете *Цфира (Гудок)* 17 марта 1915 года, с. 2. О деятельности Андреева и Горького по защите прав российских евреев написал Иосиф Клаузнер в заметке "Политика и культура", *Шилоах* 32 (январь 1915 – июнь 1917), с. 415. Клаузнер считает, что ивритские писатели должны взять пример с русских писателей, которые оставили "искусство для искусства" и заняли общественную позицию в российской жизни.

Советской власти, появившийся в России в 1919 году, был переведен на идиш и опубликован в Нью-Йорке в том же году.¹⁸ Не трудно понять, почему в 1917 году известный сионист Лейб Яфе не поленился поехать в Финляндию, чтобы привлечь Андреева к деятельности в защиту российских евреев.¹⁹

*

Авторы комментариев к шеститомному изданию произведений Леонида Андреева (М., 1990-1996) упоминают переводы его рассказов и пьес на многие языки, но не на иврит и идиш. На самом деле, переводы на идиш и постановки его пьес на этом языке в 1905-1923 гг. являются значительным событием в истории восприятия Андреева еврейской культурой. Переводов Андреева на идиш было поразительно много: с 1906 по 1910 г. вышло 14 его книг на идиш, включая четыре пьесы. Еще 6 книг появились в следующем десятилетии, включая четырехтомное собрание сочинений, и 12 – в 1920-х гг. Все это – не считая переводов отдельных рассказов, опубликованных в журналах (см. список этих переводов ниже), и пьес, переведенных, но не опубликованных. Кроме того, в идишских журналах *Хейнт* и *Литерарише Блеттер* и был опубликован перевод воспоминаний Горького об Андрееве.²⁰

До 1911 г. это были тонкие книжечки или брошюры с одним рассказом или пьесой, иногда – в виде серии выпусков с переводами и других произведений «модернистской» европейской литературы. Таким форматом вышли «Рассказ о семи повешенных», «Так было», пьеса «Анатэма», одноактная пьеса «Любовь к ближнему», рассказ «Тьма», пьесы «Жизнь Человека», «Царь Голод» и «Дни нашей жизни». В 1911 г. в Нью-Йорке вышел сборник пьес Андреева, а в 1912 г. последовал

¹⁸ Леонид Андреев, *Ратевет!* (Сигнал бедствия) Нью-Йорк, [1919?].

¹⁹ Лейб Яфе, *Ткуфот (Времена)*. Тель Авив: Масада, 1948, сс. 193-197.

²⁰ Воспоминания Горького, без указания переводчика, опубликованы в журнале *Литерарише Блеттер* 27, 17.11.1924, сс. 1-2; и в газете *Хейнт* 11, 13.1.1925.

четырёхтомник рассказов и пьес в переводе Моше Каца. В 1923 г. вышел двухтомник Андреева, на этот раз – в Варшаве. Отдельная нумерация страниц в границах каждого рассказа говорит о том, что они также публиковались отдельно, может быть, в виде серии в каком-нибудь журнале. Здесь можно найти «Марсельезу», «Ангелочка», «Из жизни штабс-капитана Каблукова», «Первый гонорар», «В тумане», «Весной», «Город» и «Молодежь». В начале 1920-х годов были опубликованы три перевода на идиш рассказов Андреева: «Губернатор», «Иуда Искарот» в переводе известного писателя и критика Нахмана Мейзла и еще один перевод «Рассказа о семи повешенных». Что касается пьес, то в 1922 г. в Киеве в издательстве «Комунистише фон» вышел адаптированный перевод пьесы «Царь Голод» с подзаголовком «Драматическая поэма», в 1923 г. в Варшаве – перевод рассказа «Мысль», а в 1924 г. в Вильнюсе – адаптация для театра «Рассказа о семи повешенных», по случаю его постановки в театре «Палас» знаменитой «Вилнер труппе» (группа из Вильнюса, которая играла в основном в Варшаве)²¹.

Среди переводчиков Андреева следует особенно отметить Иосифа Хаима Бренера, который уже в 1907 году опубликовал перевод на идиш рассказа "Марсельеза"²²; сестру Авраама и Залмана Рейзенов Сару Рейзен, чей перевод рассказа "Губернатор" уже в 1906 году увидел свет в 11 номерах журнала *Фолкцейтунг*; и Моше Каца, переводчика на идиш четырех томов произведений Андреева²³.

²¹ О «Вилнер труппе» см.: Лексикон фун Юддишен театер / Под ред. Залмана Зильберцвейга. В 6 т. Нью-Йорк, 1931. Т. 1. С. 704-717.

²² Выражаю благодарность директору Национальной библиотеки Израиля Шломо Гольдбергу за помощь в поиске брошюры, содержащей этот рассказ.

²³ Переводчик Моше Кац (1864-1941) родился в г. Могилеве на Украине, после Кишиневского погрома 1903 г. он примкнул к сионистам-социалистам и принял участие в отрядах самообороны. После двухлетнего пребывания в Палестине (1908-1910) он вернулся в Россию, а затем в 1913 уехал в США. Свою литературную карьеру начинал на русском языке (в 1904), но с 1905 г. сотрудничал в журналах на идиш. После революции 1917 г. он опять вернулся в Россию, принимал активное участие в еврейско-украинской культурной жизни Киева, но в 1922 г. снова уехал в США и сотрудничал в журналах на идиш. Среди его многочисленных переводов – «Униженные и оскорбленные» Достоевского, «Анна Каренина», «Воскресение» и «Крейцера

В некоторых публикациях переводов пьес (часть из которых являются инсценированными рассказами) указано, что перевод выполнен для конкретной театральной постановки²⁴, и действительно, очень много пьес и инсценировок рассказов Андреева в переводе на идиш было поставлено театральными труппами из России, Польши, прибалтийских стран и Америки.²⁵

Некоторые из этих публикаций свидетельствуют о существовавших театральных постановках. И действительно, между двумя мировыми войнами Андреев прочно вошел в репертуар театров на идиш, особенно там, где они претендовали на высокую художественность и модернизм. Сейчас, после Катастрофы европейского еврейства, трудно найти документы, подтверждающие высокую активность идишского театра в то время.

Уже в 1907 году театральная труппа "Эстер Каминской Фарэйникте Труппе" поставила пьесу Андреева "Жизнь человека". В 1910 в Нью-Йорке была поставлена пьеса "Ашмэдай" (Анатэма) и в том же сезоне в Нью-Йорке вышел спектакль по пьесе "Дни нашей жизни" в переводе М. Каца (1885-1960). В 1916 году нью-йоркской труппой "Идишер Кунст Театр" под руководством Мориса Шварца была поставлена пьеса "Верь своей жене" [?]. В 1918 году пьеса "Дни нашей жизни" была поставлена в городе Лодзь, (режиссеры А. Эзра и Л.Кадишсон).²⁶ Пьеса Андреева была поставлена в 1920 г. в Киеве театром-студией «Онхейб» («Начало»), режиссер Ш. Семдор (название пьесы не упоминается). В 1922 году нью-йоркский театр "Идишер Кунст Театр" поставил пьесы "Мысль" и "Анатэма", а в сезоне 1928-29 – пьесу "Тот, кто получает пощечины" Театром еврейского меньшинства в постановке А.Моревского, бывшего режиссера и актера «Вилнер труппе» и воспитанника соната» Толстого (два последних произведения он адаптировал для театра). Подробнее о Моше Каце см.: Лексикон фун дер найер Юддишер литератур. В 8 т. Нью-Йорк, 1981. Т. 8. С. 111-113.

²⁴ Например, инсценировка "Рассказа о семи повешенных" увидела свет в 1924 году в Вильне, в связи с постановкой пьесы в театре "Палас" силами "Вильнер труппе".

25

²⁶ Григорий Казовский – автор соответствующей части статьи «Театр» в изд.: *Краткая Еврейская Энциклопедия*. Иерусалим, 1996. Т. 8. С. 786-914.

петербургского Малого театра . В 1923 г. играла группа «Централ» в Варшаве (режиссер Зигмунд Турков, который поставил и «Рассказ о семи повешенных»). Пьесы Андреева в переводе на идиш были поставлены также в Варшаве ("О семи повешенных" в 1923 и "Мысль" в 1926) и в Риге ("Тот, кто получает пощечины" – в конце 20-х годов).²⁷

²⁷ См.: Яков Мастель, *70 ёр идишер театер репертуар* (70 лет идишского репертуарного театра), Нью-Йорк 1954, сс. 35, 45; А. Х. Бялин, *Морис Шварц ин дер идишер кунст театер* (Морис Шварц в идишском художественном театре), Нью-Йорк 1934 (без обозначения страниц). Фотопортрет Идель Дубинской в спектакле по пьесе "О семи повешенных" опубликован в альбоме: *Альбом фун идишер театер* (Альбом идишского театра) под редакцией Залмана Зильберцвайга, Нью-Йорк 1937, с. 33. Выражаю благодарность Григорию Казовскому за эту информацию. См. написанную им статью "Театр", сс. 801, 827-829, 843.

На эти постановки откликнулись театральные критики в прессе на идиш. Например, журналист и театральный критик Бер Карлинский (1886-1935), который переводил на идиш Шницлера, Гамсуна и Нордау, писал в феврале 1919 г. о постановке «Дней нашей жизни» «Вилнер труппе». По его мнению, эта, с большим успехом идущая в России, пьеса принижает представления о величии Андреева, автора «Красного смеха», «Жизни Василия Фивейского» и «Жили-были», последователя Э.А.По и Ф.Достоевского, автора, который способен проникнуть в самые глубокие бездны человеческой души и который «с истинно русским болезненным исступлением исследует каждый нерв, каждый трепет, каждый его слабый отзвук». Тем не менее здесь же он говорил, что спектакль «Вилнер труппе» интересен, т.к. он отражает «истинно русскую жизнь <...> кусочек России самого недавнего времени, перед освобождением <т.е. революцией> народа-гиганта, которого влечет и в бездну, и к Богу»²⁸. Характеризуя персонажей, критик писал, что в России дьявол всегда ходит рука об руку с прекраснейшими ангелами. Одновременно он критиковал профессионализм актеров, отмечал дешевые эффекты постановки и низкое качество перевода на идиш.

Идишское издание "Ди Цукунфт" посвятило берлинской постановке "Анатэмы" пятистраничную рецензию, автор которой разъясняет философию Андреева и его понимание национальной идентификации еврея. Больше всего его восхищает то, что Андреев воспринимает еврейского героя своей пьесы как "великого космополита", а особенного его одобрения заслуживает "реалистическое впечатление", возникающее "несмотря на символистскую форму" пьесы.²⁹

Восторженных откликов (среди которых было несколько, принадлежащих Нахману Майзелю) удостоились пьесы Андреева в исполнении театра "Ди Вильнер Труппе", который выступал на сценах Варшавы и Черновиц. Рецензии за 1918, 1919, 1923, 1926 и 1927 годы свидетельствуют о том, что пьесы Андреева постоянно находились в репертуаре этого театра.³⁰ Один из критиков нашел

²⁸ Карлиниус Б. Театр Нотицен // Дер Момент. 1919. 18 февр., № 42. С. 3.

²⁹ Бен Якир, Анатэма (трагедия Леонида Андреева, Берлин, *Ди Цукунфт* (март 1910), сс. 197-201.

Цитата со с. 201.

³⁰ Айнер (псевдоним Арона Айнхорна), "Театрале Нотицен: (Театральные очерки) Ди Вильнер Труппе", *Хейнт*, (Варшава), № 42, 18.2.1918, с. 4; Б. Карлиниус, "Театрале Нотицен - Леонид Андреев Ди Тег фун унзер лебен (Театральные очерки: Дни нашей жизни Леонида Андреева)", *Дер Момент*, № 42, 18.2.1919, сс. 3-4; Ш. А. С. (Шмуэль Аба Софер), "Гастшпиль фун ди Вильнер: Л. Андреевс Дер вос кригт а петч"

сходство между героем пьесы Андреева "Тот, кто получает пощечины" и Хананом – героем пьесы Ан-ского "Дибук"³¹. Б. Карлиниус (Бер Карлинский, 1886-1936) который переводил на идиш Шницлера, Гамсуна и Нордау, написал о спектакле "Дни нашей жизни" в постановке "Вильнер Труппе" во время гастролей театра в Польше в 1919 году. Карлиниус пишет, что пьеса, которая с большим успехом идет в России, теперь включена в постоянный репертуар "Вильнер Труппе", хотя она и не соответствует высокому уровню творчества Андреева – наследника Эдгара По и Достоевского, "любящего проникать в самые глубокие бездны человеческой души, и в болезненном экстазе исследующего каждый нерв, каждый трепет, каждый его слабый отзвук». В той же рецензии Карлиниус критиковал непрофессионализм актеров, отмечал дешевые эффекты постановки и низкое качество перевода на идиш, но при этом отмечал, что спектакль «Вилнер труппе» интересен, т.к. он отражает «истинно русскую жизнь <...> кусочек России самого недавнего времени, перед освобождением <т.е. революцией> народа-гиганта, которого влечет и в бездну, и к Богу»³².

Если судить по публикациям в альманахе "Знание", идишская пресса иногда откликнулась на пьесы Андреева еще до того, как они были поставлены на языке идиш или даже на русском языке. Его первая пьеса, "К звездам", заслужила восторженную рецензию в вильненской газете *Фолькцейтунг*³³

(Гастроль Вильнер Театра: Тот, кто получает пощечину Андреева), *Арбейтер Цейтунг* (Черновцы), № 81, 2.11.1923, с. 2; Н. М. (Нахман Майзель), "Л. Андреевс Дер Геданк ин Викт ("Мысль" Андреева в театре Вилт), *Литерарише Блетер* (Варшава), № 134, 26.11.1926, с. 802; Ш. М-н, "Дер Геданк, Пиесе ин 4 актен фун Л. Андреев ин Вилт ("Мысль", пьеса 4 действий Андреева в театре Вилт), *Фолькцейтунг* 1.11.1926; Эль Ц-н, "Андреевс Геданк ин Вилт ("Мысль" Андреева в театре Вилт)", *Варшавер Экспрес*, 2.11.1926; Х. Г., "Гастшпгтль фун дер Вильнер Труппе" (Гастроли театра "Вильнер Труппе"), *Арбейтер Цейтунг* (Черновцы), № 245, 13.1.1927, с. 3.

³¹ Ш. А. С., указанная рецензия.

³² *Карлиниус Б.* Театр Нотицен // Дер Момент. 1919. 18 февр., № 42. С. 3.

³³ Б. Исаак (псевдоним Израиля Сосиса), "Веги Леонид Андреевс драме цу ди штернен" (О пьесе Леонида Андреева К звездам), *Фолькцейтунг*, (Вильна), № 156, 6 (19).9.1906, сс. 2-3. В этой рецензии дано

еще до того, как была поставлена на русской сцене (первая постановка в России датируется 26 мая 1907 года). Возможно, это объясняется большим успехом первой постановки пьесы в Австрии в 1906 году, а возможно, публикацией пьесы в альманахе "Знание" (октябрь 1906 г.).

О том, как заинтересованно откликнулась идишская литературная и театральная критика на переводы и на сценические постановки произведений Андреева, можно понять из того факта, что только в 1926 году в идишской прессе вышли шесть рецензий, связанных с именем Андреева, три из которых были посвящены спектаклю "Дер Геданк" (Мысль) в постановке Зигмунта Туркова³⁴. Жизнь и творчество Андреева описывались в монографических статьях³⁵, и даже смерти его матери в 1926 году, описанной в воспоминаниях сестры Андреева, была посвящена длинная и взволнованная заметка³⁶. В 1928 году воспоминания Горького об Андрееве в переводе на идиш вышли отдельной книгой³⁷.

подробное описание событий, происходящих в символистской пьесе, в которой есть положительный еврейский персонаж, с особым акцентом на актуальность этой пьесы в свете положения евреев того периода. Автор не указывает, где он читал или видел эту пьесу.

³⁴ А. Мокдони, *Морген Жутнал*, 24.12.1926; Ш. М-н, *Фолкцейтунг* " 1.11.1926; Эль Ц-н, *Варшавер экспрес*, 2.11.1926; Г., *Литерарише Блетер*, № 98, 19.3.1926, сс. 190-191; Б. Ц. Гольдберг, *Фрейе арбейтер штиме*, № 20, 12.2.1926, с. 4; М. Кац, *Идише Велт* 26.12.1926. См.: *Библиографише ёрбух фун илишен висеншафтлехен институт*, том I, Варшава, 1928.

³⁵ Авраам Моревский, "Леонид Андреев", *Фриморген*, 1.12.1927.

³⁶ Г., "Деонид Андреев ун зейн мутер" (Деонид Андреев и своя мать) *Литерарише Блетер*, № 98, 19.3.1926, сс. 190-191.

³⁷ Максим Горький, *Воспоминания*, в переводе М. Найдина, Варшава, 1928.

Андреев оказал значительное влияние на модернистскую идишскую литературу начала XX века. Нахман Майзель его влияние на пьесы Шолома Аша и на прозу Давида Бергельсона.³⁸ Залман Рейзен обнаружил влияние Андреева на пьесы Переца Гиршбейна.³⁹

³⁸ Нахман Майзель, *Кегнзейтиге хащпоес ин ведтшафен*, Варшава, 1965, сс. 278, 315. Майзель также упоминает отмежевание Шолом Алейхема от Андреева как реакцию на утверждение И. Д. Берковича, что "российский интеллигент еврейского происхождения с излишним трепетом относится к страданиям, описанным в рассказах Андреева". Там же, с. 193.

³⁹ Майзель, там же, с. 306. Очевидно, Перец Гиршбейн был лично знаком с Андреевым. Гиршбейн рассказывал, что Андреев прочел его пьесу "אײנזאמע וועלט" (не ясно, на каком языке) и отметил ее близость с его собственной пьесой "Царь Голод". Яков Баташанский, Буэнос Айрес, 1952, с. 203.

*

Неудивительно, что первая из зафиксированных реакций на Андреева на иврите появилась в 1904 г. в октябрьском выпуске журнала «Ха-дор», который редактировал Фришман⁴⁰. Это была развернутая рецензия на «Жизнь Василия Фивейского». Автор, Элияху Хаим Рахлин, начал с упоминания восторженной реакции русской критики на произведение Андреева. Рахлин пишет, что пораженная и введенная в заблуждение достижениями такого молодого автора критика ошибочно приняла за символистский рассказ историю, которая на самом деле была «скорее психологически-реалистической картиной». Рахлин утверждает, что жизнь остается реальной жизнью, даже если в ней происходят необычайные события или если это в основном духовная жизнь. Он пишет, что в этом рассказе на примере ситуации Василия Фивейского Андреев проник в глубины человеческой души и извлек психологическую правду. Эта правда заключается в том, что только когда на человека обрушивается несчастье, он начинает осознавать свою личность, определять ее и отличать от «не-я». Это «не-я» – все то в мире, что противостоит его жизни и личности, все, что подавляет и преследует его. И поскольку страдающий человек чувствителен к страданиям Другого, он осознанно становится рабом волнений и желаний, которые не относятся к его собственному «я». «Не-я» становится для него объективной реальностью, богоподобной силой. Человек не понимает, что он и его собственная жизнь ценны сами по себе, он считает, что Бог создал его для какой-то высшей цели, которая ценнее, чем жизнь, и становится добровольным рабом и жертвой этой идеи. В то же время он пытается победить свое «не я», чтобы выжить. Рахлин утверждает, что такая внутренняя борьба гораздо более трудна в бедной и отсталой среде, где не хватает инициативы и личной свободы, и что это сложная ситуация и привела героя к катастрофе. Это объяснение сопровождается десятью страницами детального пересказа русского текста. Рахлин не переводил его слово в слово, но ему удалось передать высокое эмоциональное напряжение и пафос произведения, вызвав тем самым сильную реакцию даже у читателя, который не мог прочесть рассказ в оригинале.

Другим документированным свидетельством воздействия «Жизни Василия Фивейского» на еврейских читателей является недатированное письмо, написанное по-русски (скорее всего, весной

⁴⁰ Рахлин Э.Х. Бикорет [Критика] // Ха-дор. 1904. № 36-37. С. 23-35.

1904 г.) двадцатипятилетним прозаиком Ури Нисаном Гнесиным⁴¹ своему другу Пельзеру, который жил в небольшом городке Почеп на Украине. Гнесин пишет Пельзеру:

«Да, кстати, я недавно прочел альманах «Знание». Ты его, безусловно, найдешь у вас <в Почепе>. Клянусь Богом, мизинец Андреева стоит больше, чем чья-нибудь рука у нас. Ты только прочти то место, где Василий подходит к мертвому кормильцу семьи!⁵ Он уверен в результатах своих действий, в правильности и значении всей своей жизни, и он говорит тому: «Встань!» Черт его подери, этого Андреева, вы, дамы и господа, можете смеяться надо мной – но, клянусь Богом, это должно было быть написано одним из наших новых евреев.

Жаль только, что он русский, этот Андреев, и по организации его вещь тоже русская в определенном смысле; но в этом смысле мы, к сожалению, тоже русские.

Ах, черт, хватит. Ты лучше прочти Горького в том же журнале, и увидишь, как он вульгарен».⁴²

Восхищение Гнесина Андреевым очевидно, как и его предпочтение, отданное «Жизни Василия Фивейского», а не горьковскому рассказу «Человек», напечатанному в том же сборнике «Знания». Его мысль о том, что эта вещь должна была быть написана одним из «новых евреев», вероятно, относится к Бердичевскому, которым Гнесин восхищался и который, после получения докторской степени в Берлине и Берне, опубликовал в 1900 г. в Варшаве серию рассказов и повестей, где еврейские герои – и старого, и нового поколения – обуреваемы навязчивыми идеями, физиологическими слепыми инстинктами и подсознательными импульсами. Гнесин находит параллели между андреевским рассказом и этим новым направлением в литературе на иврите, к которому он сам пытался присоединиться. В то же время он критиковал недостаточную художественную организацию рассказа Андреева, которая, по его мнению, была недостатком, общим и для Андреева, и для «новых еврейских» писателей.

В двух рассказах Гнесина явно заметно влияние Андреева. Первый, вышедший в 1905 г., озаглавлен «Сеуда мафсекет»⁴³ (последняя еда перед Судным днем, самым священным днем в

⁴¹ Гнесин писал короткие рассказы и повести, по стилю напомиравшие произведения Чехова, Пруста, Джойса и Белого. Он первым перевел на иврит «Маленькие поэмы в прозе» Бодлера, а также некоторые рассказы Чехова и философские очерки Шестова. В 1900 г. Гнесин написал также некролог Ницше.

⁴² Гнесин У.Н. Ктавим. [Полн. собр. соч. В 3 т.]. Мерхавиа, 1946. Т. 3. С. 47.

⁴³ Впервые опубликован: *Сефер Хашана*. Варшава, 1905. № 5. С. 158-163.

еврейском году). В ивритской литературе конца XIX века это время года часто служило источником коллизий (конфликтов) между старым и новым поколением. Центральная тема рассказа Гнесина – взаимоотношения между отцом и дочерью, учащейся экстерном, народницей и вегетарианкой. Еще и года не прошло со дня смерти матери, и обуреваемый скорбью и нежно любящий дочь отец, который всегда относился к ней снисходительно и терпеливо, ждет, разделит ли она с ним трапезу перед постом, в которую традиционно входит мясо. Она в замешательстве и печали продолжает сидеть у окна, погруженная в тяжелые воспоминания о смерти матери. Ничего не происходит. В рассказе почти нет диалогов, и их отсутствие еще больше нагнетает напряжение, делая немую трагедию все более непереносимой. Только в самом конце отец бормочет какие-то слова, моля дочь разделить с ним священный ужин, и оба персонажа разражаются долгими рыданиями. Сильная любовь-ненависть между отцом и дочерью, гнетущее молчание, окутывающее трагическую ситуацию, и высокое психологическое напряжение, эмоциональный взрыв отца в конце – все это напоминает андреевское «Молчание», которое Гнесин мог прочитать в декабре 1900 г. в «Журнале для всех».

Другой рассказ Гнесина, «Ба-ганим» («В садах») (написан в 1909 г., опубликован в 1913 г.) повествует о переживаниях молодого еврея Эфраима, который, попытав счастья в большом городе, разочарованный и подавленный, возвращается в родительский дом в маленьком городке, надеясь найти отдохновение и душевный покой в возвращении к природе, как это было в отрочестве. Бродя по садам, он встречает простого еврейского крестьянина (что было редкостью в то время), пожилого вдовца, который живет на природе со своей слабоумной дочерью, продавая иногда молоко прохожим. Вспомнив свою юность, Эфраим внезапно ощутил (ощущает) горячую потребность снова выпить этого молока. Он не понимает, почему крестьянин пытается помешать ему войти в дом и выпить молока и уступает только после того, как ему пообещали высокую плату. Выпив молоко, Эфраим уходит, но издали, лежа на холме, он видит на фоне цветущей природы агрессивный и безобразный половой акт между отцом и дочерью. Это пробуждает желание и в самом Эфраиме.

Не входя в детальный анализ, я хотела бы просто указать на сходство этого рассказа со знаменитой «Бездной» Андреева, которая впервые появилась в 1902 году, вызвав большую полемику, в которой принял участие и Владимир Жаботинский.⁴⁴

⁴⁴ В подражание Андрееву, который написал письмо якобы от имени своего героя Немовецкого, Жаботинский приводит письмо, якобы написанное Зинаидой, героиней, после того, как она вышла замуж за Немовецкого. См.: Одесские новости. 1903. 17 марта, № 65; а также: *Андреев Л.Н.* ССХЛ. Т. 1. С. 616.

Иосиф Хаим Бреннер⁴⁵, друг детства Гнесина и тоже большой почитатель Бердичевского, перевел рассказ Андреева на идиш и дважды упомянул его в своей публицистике. В 1908 г. в иврито-польском ежемесячнике «Мория» был напечатан очерк Бреннера о значении иврита как нового живого и литературного языка, которым не следует пренебрегать, предпочитая ему идиш.⁴⁶ В этом очерке Бреннер упоминает Андреева (в одном ряду с Гоголем, Лермонтовым, Достоевским, Толстым и Чеховым) как представителя русского литературного канона. Этот очерк был опубликован спустя год после перевода Бреннером (насколько мне известно, это его единственный перевод на идиш) андреевского рассказа «Марсельеза» [2]⁴⁷.

Это был не первый перевод Андреева на идиш. Первым был «Красный смех» переведенный Шимоном Розенфельдом в 1906 г.

В другом очерке, написанном в 1910 г. и напечатанном в 1911 г., Бреннер относится к Андрееву менее благожелательно. Оценивая прозу Номберга, своего ровесника, он пишет, что Номберг не достиг поэтической тонкости Чехова, но избежал опасности «примитивного и крикливого скептицизма-пессимизма-такого неприятного и антихудожественного – андреевского риторического направления в русской литературе, следы которого можно видеть в нашей <ивритской> литературе».⁴⁸ Здесь Бреннер развенчивает Андреева, но в то же время говорит о нем как об основателе целого направления в современной русской литературе. Следовало бы упомянуть, что Бреннер обвиняет Андреева в том, что было присуще ему самому и как писателю, и как публицисту,¹⁶ а именно: его собственный вкус тоже был достаточно примитивным и крикливым.

Первым произведением Андреева, переведенным на иврит, стал рассказ "Петька на даче",

⁴⁵ Бреннер был известным ивритским прозаиком и очень влиятельным публицистом. Он родился на Украине, в 1905 г. уехал из России в Лондон, в 1910 г. приехал в Палестину и был убит арабскими погромщиками в 1921 году. Он был известным почитателем Достоевского и первым перевел на иврит «Преступление и наказание».

⁴⁶ *Бреннер И.Х.* Мин ха-сифрут ха-иврит (сихот) // *Бреннер И.Х.* Коль ктавав [Собрание соч. в 4 томах]. Тель-Авив, 1984. С. 188.

⁴⁷ Здесь и далее в тексте даны отсылки к библиографии переводов, приведенной в приложении к настоящей статье.

⁴⁸ *Бреннер И.Х.* Указ. соч. С. 419-420.

один из немногих андреевских рассказов, повествующих о страданиях ребенка. Перевод был напечатан в 1919 году в журнале *Моледет* – ежемесячник для молодежи под редакцией Якова Фихмана – очевидно, в переводе самого редактора.⁴⁹ Фихман также написал короткую заметку об Андрееве в ежемесячнике *Маабарот*, который он сам и редактировал⁵⁰. В этой заметке он от имени своего поколения описывает то сильное впечатление, которое произвел Андреев на его сверстников, а также последовавшее за этим впечатлением отрезвление, связанное с неспособностью Андреева "высвободиться из оков литературной идеи и наполнить свое творчество свободным содержанием". Заметка заканчивается такими словами: "Небольшое влияние Андреева на нашу литературу не было ей на пользу. От литературного пафоса нам бы надо освободиться окончательно. Мы стремимся к честной, выразительной и некрикливой прозе. Пафос Андреева выходит за пределы искусства, тихие шаги которого остались далеко позади. Этим путем мы не пойдем"⁵¹.

Второй перевод Андреева на иврит вышел в Варшаве в 1920 г. Переводчиком был Исраэль Элияху Хандельзальц (малоизвестный писатель из Варшавы), который для перевода выбрал рассказ «Христиане», в 1907 г. переведенный на польский язык. Нетрудно догадаться, почему Хандельзальц, просвещенный еврей из Варшавы, выбрал для перевода именно эту повесть, в которой Андреев осмеивает российское буржуазное общество и его ханжество.

Следующая страница восприятия Андреева литературой на иврите была открыта в Палестине в начале 1920-х гг. и связана с первыми попытками создать новый ивритский театр в новой стране (известный [позже] театр «Габима» тогда еще находился в Москве). Здесь, в очень юном городе Тель-Авиве, с населением в одну-две тысячи ивритоязычных сионистов-первопроходцев, небольшая

⁴⁹ Л. Андреев, "Петька би-мэон ха-каиц" (Петька на даче), без указания переводчика, *Моледет*, 7\6, сс. 269-275.

⁵⁰ И. Ф., "Андреев", *Маабарот*, 1\2-3, Тишрей- Хешван 5680 (сентябрь-октябрь 1919), с. 241.

⁵¹ Там же.

группа [еврейско-русских] любителей театра, приехавших из России, основала Ивритский театр⁵². Режиссер Давид Давыдов (1890-1975) был его основателем и директором, а после его ухода его место заняла Мирьям Бернштейн-Коген (1895-1991) [заняла его место]. В очень трудных условиях, репетируя почти сутками, иногда голодая в буквальном смысле этого слова, они пытались ставить драмы на иврите для небольшого населения, разговорным языком которого был, в основном, идиш. Спектакли проходили в «Эдене» – единственном кинотеатре в Тель-Авиве, который они арендовали на условиях, что будут давать не меньше двух премьер в месяц. Им требовался обширный репертуар, каждую пьесу играли не более двух раз, в лучшем случае – три, ведь публики было так мало.

В 1923 г. здесь были поставлены три пьесы Андреева. Репертуар этого года состоял из 37 пьес, все переводные, в основном с идиш (Соломон Аш, Шолом Алейхем, Ан-ский, Давид Пинский), русского и польского. Андреевский «Океан» был поставлен 4 января 1923 г.⁵³, и в иерусалимской газете «Доар ха-йом» (главный редактор Итамар Бен-Ави⁵⁴) была напечатана подробная рецензия Авигодора Хаimeiри, известного поэта и романиста. Хаimeiри разъяснял, что это – переложение для сцены рассказа написанного «великим русским писателем Леонидом Андреевым». [Отталкиваясь от] Исходя из сюжета пьесы, он видел ее философский смысл в критике культуры («вся культура – это одна большая ложь»), но отмечал, что из-за плохого переложения «ивритская публика не поняла ничего из вышесказанного». В заключение он упомянул, что если бы в программке было дано хотя бы краткое содержание пьесы, зрители весь спектакль не ломали бы себе голову, пытаясь хоть немного понять смысл этой «символической пьесы; персонажи и содержание которой все же немного далеки от нас»⁵⁵.

В том же году актриса Мирьям Бернштейн-Коген предложила всей группе отправиться за границу, чтобы поучиться театральному искусству у профессионалов сцены. Выбор пал на Берлин, и чтобы собрать деньги на поездку (актеры даже отправились ради этого на недельные гастроли в

⁵² О театральной деятельности в Палестине в 1890-1930-х гг. см.: Кутай Ари. *Хаим у-вама* [Жизнь и сцена]. Тель-Авив, 1972. С. 56-70.

⁵³ Там же. С. 69.

⁵⁴ Итамар Бен-Ави (1882-1943), журналист и сионистский деятель, сын Элизера Бен-Иегуды, лингвиста, редактора и журналиста, знаменитого борца за разговорный иврит в Палестине.

⁵⁵ *Доар ха-йом*. 1923. 10 янв. С. 5.

Каир и Александрию), [организовывались] были организованы прощальные вечера для тех, кто ехал за границу. «Дни нашей жизни» были поставлены в честь отъезда Мирьям Бернштейн-Коген, а «Тот, кто получает пощечины» – в честь отъезда Меира Теоми⁵⁶.

«Дни нашей жизни» играли дважды – в Тель-Авиве и в Иерусалиме 3 и 10 мая 1923 г. Героиню, Ольгу, играла Бернштейн-Коген, которая была и режиссером этого спектакля. О нем появились две короткие рецензии – одна (Итамара Бен-Ави) в иерусалимской газете «Ха-ор»⁵⁷, вторая – в тель-авивской газете «Доар хайом» за подписью «Икс»⁵⁸. Бен-Ави сосредоточился на актрисе и ее вкладе в развитие театра и ни единым словом не упомянул Андреева, произведения которого, вероятно, были ему неизвестны. А вот Икс начал с того, что андреевская пьеса больше держится на настроении и эмоциональной атмосфере, чем на действии, но что она реалистически основана на горьких и жестоких реалиях, характерных для жизни большого города. Он сообщил, что «публики было много, а героиня (госпожа Мирьям) заслужила продолжительные овации и букеты цветов», и закончил похвалами театру за публикацию перевода пьесы, что, по его словам, позволило публике лучше понять актеров.

«Дни нашей жизни» – единственный перевод Андреева на иврит, который был опубликован в Израиле до 1968 г. [34]. Переводчик, Исраэль Душман (1884-1947), был одним из основателей Ивритского театра; он приехал в Палестину из Вильны в 1905 г. и позднее перевел много пьес с разных языков. «Тот, кто получает пощечины» ставился дважды – в Тель-Авиве и в Иерусалиме 17 и 19 мая 1923 г. Мирьям Бернштейн-Коген поставила пьесу и сыграла роль цирковой наездницы Консуэллы, а Меир Теоми исполнил главную роль – Тота⁵⁹. На этот спектакль появились три небольшие рецензии⁶⁰. Анонимный автор в «Доар хайом» писал: «Представление было очень

⁵⁶ О нем см.: *Кутай Ари*. Указ. соч. С. 69-70.

⁵⁷ *Ха-ор*. 10 мая 1923. См. также: *Тальпир Г.* // *Газиль*. Том 22. № 9-12. С. 33-35.

⁵⁸ *Доар ха-йом*. 1923. 7 мая. С. 3.

⁵⁹ Программка спектакля хранится в Израильском центре документации исполнительского искусства (отдел театрального искусства) при факультете искусств Тель-Авивского университета. Я благодарна Шимону Лев-Ари, директору центра, за его помощь.

⁶⁰ Йеида Бен-Цион // *Доар хайом*. 18 мая 1923; Б.п. // *Доар хайом*. 20 мая 1923; Б.п. // *Хаарм*. 20 мая 1923. См. также: *Тальпир Г.* Указ. соч. С. 34.

успешным, и блистал особо господин Теоми, главное действующее лицо пьесы и вечера. Жаль только, что столько таланта и энергии было вложено в пьесу, содержание которой чуждо и странно для большинства зрителей в Иерусалиме»⁶¹. Эта заметка может объяснить тот факт, что ни «Габима», где часто ставили Гоголя, Чехова, Тургенева и Горького, ни какой-либо другой театр в Израиле, никогда не обращались к пьесам Андреева, если, конечно, не учитывать недавних студенческих спектаклей⁶². Режиссеры и актеры, которые в начале века приехали в Палестину из России и знали пьесы Андреева, не любили их, может быть, из-за «декадентских» тенденций – в то время ивритский театр ставил перед собой воспитательные задачи и был более национальным, чем сегодня. А молодые израильтяне, которым пьесы Андреева могли бы понравиться, просто не знали о них.

Ни одна пьеса Андреева не была поставлена ни в одном театре Израиля вплоть до девяностых годов XX века, когда режиссеры, приехавшие из России, поставили несколько пьес Андреева в актерских школах Ниссана Натива и Софи Москович.⁶³

В 1968 г. в Израиле в серии «Роман ха-шавуа» («Роман недели») вышел перевод на иврит «Рассказа о семи повешенных» (под названием «Семеро повешенных»). Переводчик, Ицхак Леванон, родился в Сафаде в 1914 г., образование получил в Одессе и Бейруте. Вернувшись в Палестину, он работал журналистом, писал для детей и перевел много книг с французского,

⁶¹ *Доар хайом*. 20 мая 1923.

⁶² В 1993 г. «Тот, кто получает пощечины» и в 1994 г. «Екатерина Ивановна» были поставлены в Академии драмы Ниссана Натива (режиссер Миша Лурия, новый репатриант из России).

⁶³ В 1993 г. «Тот, кто получает пощечины» и в 1994 г. «Екатерина Ивановна» были поставлены в Актерской школе Ниссана Натива режиссером Мишей Лурье, новым репатриантом из России. В телефонной беседе с режиссером я задала ему вопрос, почему, по его мнению, Андреева до сих пор не ставили в Израиле, и он ответил, что, возможно, это объясняется его антиреволюционными взглядами. В 2007 году в Актерской школе Софи Москович был поставлен дипломный спектакль "Стурим" по пьесе «Тот, кто получает пощечины», перевод и постановка Софи Москович.

английского и, в меньшей степени, с русского. Леванон сократил название, опустив слова «Рассказ о», а также посвящение Толстому, может быть, потому что не понимал его значения.

В сборник произведений Андреева, изданный в 1984 г., вошел другой, гораздо более удачный перевод этого рассказа. Нам повезло, что у нас есть другой перевод этого рассказа, вошедший в сборник произведений Андреева, изданный в 1984 г. Переводчик, К.А.Бертини, был малоизвестным поэтом и преподавателем высшей школы и отцом ; он отец знаменитого дирижера Гари Бертини. В послесловии он, приведя некоторые факты биографии Андреева, сравнивает показательные для его произведений пессимистическое мировидение мировоззрение и необузданную стилевую манеру с творчеством Горького, отмеченным внутренней гармонией, приверженностью принципам и последовательной идеологией, и явно отдает предпочтение первому. Бертини с восхищением пишет о духовном мужестве Андреева и его политическом нонконформизме. Он очень убедительно объясняет смесь разных «измов» в произведениях Андреева, подчеркивает значение личного в его рассказах и драмах и говорит о его таланте создавать неожиданные концовки. Для израильтянина, который читает только на иврите, перевод Бертини – пока единственная возможность познакомиться с творчеством Андреева.

Чем же объяснить «бум» переводов на идиш и театральных постановок на этом языке в 1920-30-х годах и относительно скудное количество переводов и спектаклей на иврите? Частично это можно связать с общим состоянием еврейской культурной жизни в Восточной Европе и в Палестине в период между двумя мировыми войнами: в то время читателей и зрителей, чьим родным языком был идиш, было гораздо больше, чем ивритоязычных. Переводы не только Андреева, но и других европейских писателей публиковались на идиш быстрее и в большем количестве, чем на иврите.

Другое объяснение – разное отношение идишских и ивритских писателей к европейской модернистской литературе, особенно декадентской и символистской. Ивритские писатели делали упор на уникальный национальный характер новой еврейской литературы и культуры и с большими оговорками принимали европейский модернизм и европейское влияние, пытаясь «оевредить» их, а именно: воспринять только то, что совмещалось с еврейским духом. Культурная политика идишских писателей и переводчиков была космополитической: идиш был для них мостом между еврейским читателем и мировой культурой. Они больше, чем их ивритские коллеги, хотели влиться в культуру тех стран, где проживали. Вот почему «специфическая русскость» Андреева больше беспокоит Хамеири, ивритского театрального критика, чем Карлинского – идишского.

Культурная ситуация с тех пор во многом изменилась: современная израильская культура гораздо больше открыта для зарубежных влияний, чем это было до образования государства, а интерес к русской литературе в последнее десятилетие повысился благодаря массовой иммиграции русскоговорящей интеллигенции. В этой ситуации существует большая возможность возобновления интереса к Андрееву.

Переводы произведений Андреева на идиш и на иврит вызывают дополнительные вопросы, на которые исследованный материал не дает ответа:

а. Являются ли Гнесин и Бреннер единственными ивритскими писателями, испытавшими влияние Андреева?

б. Какое влияние оказал Андреев на литературу и драматургию на языке идиш?⁶⁴

в. Почему творчество Андреева с таким восторгом было принято идишскими литературой и театром, тогда как ивритские писатели отмежевывались от него? Чтобы ответить на этот вопрос, надо сравнить переводы других европейских писателей на иврит и на идиш, а также проследить разницу между культурной жизнью на иврите и на идиш в Европе и в Стране Израиля (Палестине) в первой трети двадцатого века. На данном этапе я полагаю, что восторженное приятие Андреева на языке идиш было следствием большого количества любителей литературы и театра среди евреев, говорящих на идиш, а также городского, буржуазного и светского характера этой части публики и ее стремления к "нормализации" – качества, в наше время характеризующие телевизионную публику.

Переводы на идиш

А. Книги

1. А ройтер гелехтер [Красный смех] / Пер. Шмуля Розенфельда. Минск: Култур, 1906.
2. Марслейеза [Марсельеза] / Пер. Х. Й. Б-р [Хайм Йосеф Бреннер]. Варшава: Альгемейне библиотек, 1907.

⁶⁴ Майзель полагает, что Андреев оказал значительное влияние на Л. Шапиро, Переца Гиршбейна и Ш. Ан-ского. См.: Н. Майзель, *Кегнзеите Хаипоэс ин велт шафен* (Противоположные влияния в мировой литературе) 1965, с. 306.

3. Азой из эс гевен [Так было] / Пер. А.Фрумкина. Лондон: Арбетер фрайнд, 1908.
4. Ан эрцейлунг вегн зибн гехангене [Рассказ о семи повешенных] / Переводчик не указан. Вильна: Ди велт, 1908.
5. Иван Иванич [Иван Иванович] / Переводчик не указан // Ди найе цайт. 1908. Сб. 2: Ди велт. С. 69-81.
6. Дер Ашмодаи [Анатэма] / Пер. М.Каца. Нью-Йорк: Hebrew Publ., 1909.
7. Меншн либе [Любовь к ближнему] / Пер. Й.Пирожникова. Вильна: Руссланд-Америка, 1909.
- 7а. Финстерниш (Тьма) / Пер. З. Розеса, Лондон, 1909.
8. Ди рег фун унзер ди лебедике [Дни нашей жизни] / Пер. М.Каца. Нью-Йорк: Майзель, 1910.
9. Дос Лебн фун'м меншен [Жизнь Человека] / Пер. Пер. М.Варше и Б.Лепина. Нью-Йорк: Майзель, 1910.
10. Дос ойфрихтике гелекхтер: дерцейлт фун а фрейлекхен ментшен [Искренний смех: рассказ веселого человека] / Пер. З.Рейзина // Эуропейше Литератур. 1910. № 24. С. 45-47.
11. Кениг хунгер [Царь Голод] / Пер. М.Ольгина [Моше Йосеф Новомайский]. Нью-Йорк: Майзель, 1910.
12. Финстерниш [Тьма] / Пер. М. Варше и Б.Лепина. Нью-Йорк: Майзель, 1910.
13. Цвишн цвей мамес [«Между двумя матерями» (Валя)] / Переводчик не указан // Лебн ун висншафт. 1910. № 9. Март. С. 3-62.
- 13а. Ди тег фун унзер лебен (Дни нашей жизни), Пер. М. Каца, Нью Йорк 1910.
14. Гезамелте драмен [Собрание пьес]. Нью-Йорк: Майзель, 1911. – Содерж: Дос лебн фунем ментшн [Жизнь Человека] / Пер. Пер. М.Варше и Б.Лепина: Кениг Хунгер [Царь Голод] / Пер. М.Ольгина;
15. Геклибене шрифтен [Собрание сочинений]. В 4 т. / Пер. М.Каца. Нью-Йорк: Hebrew Publ., 1912. Содерж.: Т. 1: Марсельеза, Смех, Набат, Молчание, Бездна, Так было, Стена, В подвале, Валя, Тьма, Христиане, Друг; Т. 2.: Оригинальный человек, Защита, Из жизни штабс-капитана Каблукова, Праздник, Мои записки, Рассказ о Сергее Петровиче, Прекрасна жизнь для воскресших, Первый гонорар, Ангелочек; Т. 3: В тумане, Возврат, Рассказ о семи повешенных, Город, Предстояла кража, На станции, Книга, Молодежь, Весной; Том 4: Анфиса, Любовь к ближнему, Тот, кто получает пощечины, Анатэма. (2-е изд. (в одном томе) – 1926).
16. Дер эрштер трит [Первая ступень] / Переводчик не указан // Унзер лебн. 1914. 2 дек., № 94. С. 2; 3 дек., № 95. С. 2; 4 дек., № 96. С. 2.
17. Вегн юдише солдатн [Раненый] / Переводчик не указан // Дер момент. Варшава, 1915. 10 марта. № 48. С. 6.

18. Дер цейлунг веген зибн гехангене [Рассказ о семи повешенных] / Пер. Ноаха Прилуцкого. Нью-Йорк.: Литераришер фарлаг, 1916.
19. Петка аф датше [Петька на даче] / Пер. Довида Хофштейна. Киев: Киевер, 1919.
20. Ратевет: ан апил цу дер цивилизиртер менахейт [S.O.S.]. Нью-Йорк: Фрейе Руссланд, 1919.
21. А хунт [В тумане] / Пер. Довида Хофштейна. Киев: Киевер фарлаг, 1919; то же – Варшава: Култур лиге, 1921.
22. Дер вос кригт ди петиш [Тот, кто получает пощечины] / Пер. А.Моревского. Варшава: Левин-Эпштейн, 1921.
- 22а. Царь Хунгер / Пер. Д.Волькенштейна. Киев: Комунистише фон, 1922.
23. Геклибене дерцейлунген [Собрание рассказов]. В 2 т. Варшава: Найе библиотек, 1923.
24. Дер геданк [Мысль] / Пер. З.Зильберквейга. Варшава: Ди цайт, 1923.
25. Дер губернатор [Губернатор] / Пер. Сары Рейзиной. Вильна: Вилнер фарлаг, 1923.
26. Ди Марселиезе [Марсельеза]. Дос Молечел [Ангелочек]. Штабскапитан Коблаков [Из жизни штабс-капитана Каблукова]. Ди эрште скхирес [Первый гонорар] / Переводчик не указан. Варшава: б.и., 1923.
27. Йехуда иш Крайес [Иуда Искарот и другие] / Пер. Н.Майзеля. Варшава: Ди велт, 1924.
28. Ди зибн гехангене: трагедие ин 6 билдер [Рассказ о семи повешенных (инсценировка в 6 действиях)] / Пер. Х.Дашевского и Кранца. Вильна: Мац, 1924 (2-е изд. – 1930).
29. Дер цейлунг вегн зибн гехангене [Рассказ о семи повешенных] / Переводчик не указан. Варшава: Ди велт, 1925.
30. Дер ройтер гелехтер [Красный смех] / Пер. Ш.Розенфельда. Нью-Йорк: Янкович, 1926.
31. Дер риз [Великан] / пер. Й.Хморовского // Черновицер блетер. 1930. 16 мая, № 52. С. 3-4.

Б. Публикация в газетах и журналах

1. Дер Губернатор (Губернатор)/ Пер. Сары Рейзен, опубликованный с продолжением в 11 номерах журнала *Фолкцейтунг* (Вильна), начиная с 26 марта (8 апреля) и до 27 августа (9 сентября) 1906 года.
2. Иван Иванович, без указания переводчика, альманах *Ди Найе Цейт* Т. 2 Вильна 1908, с. 69-81.
3. Шейн из дос деюен фар ди лебедике (Прекрасна жизнь для воскресших), Пер. Иосифа Горовица, *Фейерлах* (Вильна), 1908, сс. 8-10.

4. Валя (переведено как "Между двумя матерями")/ без указания переводчика, *Лебен ун Висешафт* (Вильна), том 9 (март 1910), сс. 37-62.
5. Дос ойфрихтике гелехтер (Смех)/ Пер. Залмана Рейзена, *Эропеишер литератур* (Варшава), том 24 (1910), сс. 45-47.
6. Дер эрштер трир (статья Первая ступень), *Унзер Лебен* (Варшава- Одесса), № 94 (2.12.1914), с. 2, № 95 (3.12.1914), с. 2, № 96 (4.12.1910), с. 2;
7. Вегн идише солдатен (О еврейских солдатах), *Дер Момент* (Варшава), № 48 (10.3.1915), с. 6.
8. Велвл Гибер (Великан?)\ Пер. Д. Л., *Грининке Боймелех 1919-1921* (Вильна), № 10 (30), июль 1921, сс. 375-386.
9. Дер риз (Великан)\ Пер. И. Хмаровского, *Черновицер Блетер* (Черновцы), № 52, 16.5.1930, сс. 3-4.

Переводы на иврит

1. Петка би-ме'он ха-кайтис [Петька на даче] / Пер. Й.Фишмана // *Мозледет*. 1919. 7 июня. 269-275.
2. Ха-ноцрим [Христиане] / Пер. Исраэля Элиаху Хандельзальца. Варшава: Лapid, 1920 (Библиотека. Сер. 21).
3. Йемей хайейну: махазех бе-арба ма'арахот [Дни нашей жизни: Пьеса в четырех действиях] / Пер. И.Душмана. Тель-Авив: Ха-театрон ха-Иври ха-Эрец-Исре'ели, 1923. (Ивритский вариант названия содержит аллюзию к выражению из пасхальной Аггады).
4. Шив'ах ше-нитлу [Рассказ о семи повешенных] / Пер. Й.Леванона. Рамат-Ган: Массادا, 1968.
5. Сиппурим [Рассказы] / Пер. К.А.Бертини. Тель-Авив: Ха-киббуц ха-меухад, 1984. – Содерж.: Ложь, Молчание, В подвале, Бездна, Мысль, Элеазар, Из рассказа, который никогда не будет окончен, Тьма, Рассказ о семи повешенных, День гнева, Герман и Марта, Два письма.